

Валерий Бронников

На земле
Лешуконской
None

Валерий Викторович Бронников

На земле Лешуконской. Стихи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28079878

SelfPub; 2017

Аннотация

Земля Лешуконская – маленькая частица необъятной России, таёжный труднодоступный край, где живёт особый народ российской глубинки, далёкий от блеска и убогости больших городов со стремительной, свойственной только большим городам жизнью, где люди подчас не знают, кто живёт рядом с ними на лестничной площадке. Народ на Лешуконской земле имеет свою самобытную культуру, уклад жизни, свои беды и радости и является частью нашей огромной России. Лешуконская жизнь в стихах отражается, как в зеркале, с её чёрными и белыми сторонами. Посвящены стихи северной деревне, её жителям, природе. С уважением к читателям: Валерий Бронников

Содержание

Александр Фёдорович	5
Арсений Ларионов	9
Бакен	11
Бездомные собаки	13
Белощелье	15
Белые	16
Белые ночи	19
«Без присмотра»	21
Бессмертный полк	24
Библиотека	26
Бывшему капитану	30
Бытовая рутина	31
«Вашка» на Пинежье	33
Весёлая жизнь	38
Ветераны	40
«Вот моя деревня...»	41
Выборы	43
Выставка	45
8 марта	47
Выходной	49
Голубые глаза	51
Двухсотый	52
9 марта	54

Деревенский этюд	56
Дым	58
Едома	60
Женский день	62
Забытая Усть-Чуласа	63
Засулье	66
Земляки	68
Здесь мой дом	71
Здравствуй гармошка	73
Знакомство с редактором	75
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Александр Фёдорович

Судьба с ним столкнула на почве рыбалки,
Напарником взял его в сёмужий ход,
Нехитрые снасти: рыбацкий скарб жалкий.
С тех пор всегда вместе: в жару, в ледоход.

Он был много старше по прожитой жизни,

Участник войны, ветеран, инвалид.
В лихую годину служил он Отчизне,
А ныне оделся в рыбацкий прикид.

Сгущается вечер, привал и ночёвка.
Ложимся, чтоб встать, как забрезжит рассвет.
Шуршит под палаткой тихонько полёвка,
Да писк комариный ей вторит в ответ.

А сон, как обычно, приходит позднее,
Дремота, усталость. Вдруг, слышим рассказ
Тягучий и долгий, сознание мутнеет,
Но слушаем молча о подвигах сказ.

Как люди ходили ночами в разведку,
В снегу замерзали, под пулями шли,
Его молодого, ещё малолетку,
На поле фашистские пули нашли.

И много ночёвок ещё приводилось,
Привыкли к рассказам, к стихам в тишине.
Так наше рыбацкое времечко длилось,
Наслушались много всего о войне.

Его называл я, как правило, «Дедом» -
Так легче и проще общаться вдвоём.

Бывало, на днёвках закусим обедом
Иль банкой консервов и чай с сухарём.

Работа у «Деда» всю жизнь на «колёсах»,
Судам на реке он прокладывал путь.
На «вадегах» бакены, вехи на плёсах
И створы укажут, когда, где свернуть.

Добротный домишко с большим огородом
Да русская печка, большой самовар.
Всегда при работе, в общенье с народом,
Кваском угостит, пробежит в жилах жар.

Рыбак он заядлый, ему только свистнуть,
Всё бросит и тут же обуется сам в сапоги,
Не даст на рыбалке без дела закиснуть
И утречком встанет он с нужной ноги.

А рыбы «Дед» выловил – нечем измерить,
Всегда был хороший с наваром улов.
Руками разводит, ну как не поверить!
Не раз доставал он таких из кустов.

Состарился дед и не та уж сноровка,
Подводит дыхание, зрение, слух,
Но рыбину выловит очень уж ловко,

Есть опыт, закалка и бодрость, и дух.

Уехал в Архангельск, на даче рыбачит,
Судьба развела нас по разным углам.
Напарника нет, всё не так и иначе,
Нет чудных уловов, вселенский бедлам.

03.2006.

Арсений Ларионов

(К юбилею писателя)

Земляк Арсений Ларионов
Для Лешуконцев яркий луч.
Река «Мезень» не ищет клонов,
Любой талант силён, могуч!

Учился в Койнасе писатель
Среди раздолья и лесов.
И это лучший показатель,
Что рос в селе, среди коров;
Среди лугов с весенним цветом,
По утру пахнувших росой;
Средь комаров, проснувшись летом,
Ходил с ребятами босой.

Уехал с Койнаса Арсений
Морей просторы бороздить,
Умён был и не склонен к лени,
Определил, как дальше жить.

Свой вклад вложил в литературу,
Окончил вскоре МГУ,

Писал про русскую культуру,
О нашем Севере в снегу.

Обитель же теперь – столица,
Где «пусто» очень и «мертво»,
Где «канитель», не те всё лица,
Забыто в людях естество.

В столице очень одиноко,
От безысходности тоска,
А в глубине Кремлёвских окон
Наш Север, Койнас и река.

05.2007.

Бакен

От ветерка качается,
Всегда спиной к волне,
За дно реки цепляется
На всей ее длине.

Где был по утру выставлен,
Там должен и стоять.
Фарватер четко вымерен,
Ответ ему держать.

Бывает белый, красный он,
Смотря, с какой руки;
Верх красят нежно красками
На берегу реки.

В ночи мигает лампочка,
Судам – ориентир,
К избе несется лодочка,
А вверх идет буксир.

Придет «Путейский-70»,
Измерит глубь опять,

Поставит бакен у ручья
И там ему стоять.

Бездомные собаки

Гулянье сворами и драки:
Псы старикам проходу не дают.
Бредут бездомные собаки,
Очередную жертву снова ждут.

Куснут ребенка полегоньку,
Попутно где-то кошку разорвут,
Растащат по двору помойку,
Напакостят бездумно там и тут.

А почтальон разносит почту?
Облают, хоть убей, не признают.
Владельцы от детей ждут строчку,
Собаки же доставить не дают.

Идет хозяин с псом довольный;
Бросается тот пес на всех подряд.
А истукан самодовольный
Идет и у него невинный взгляд.

Из года в год от сельсовета
Статья с призывами: «Прижучить псов!»,
Но чьи собаки – нет ответа,
Ответ, возможно, не совсем готов!

04.2005.

Белощелье

Белые щели и вид величавый -
Рай для туристов, радушный народ.
Тихое место совсем не для славы,
Сельских людей приютил небосвод.

В вечность бегут тихо воды Мезени,
Вольный простор, чистый воздух пьянит.
Нет здесь условий для ханжества, лени,
Прочно деревня на щелье стоит.

Песни споёт под аккорды «Забава»,
Те, что за самую душу берут.
Сядем за стол: кто-то слева, кто справа,
Знамо чай будет и блинчики ждут.

Жаль, что надолго нельзя оставаться
В царстве радушных и добрых людей.
Белые щели, лишь, смогут дожждаться
Снова весны и прилёта гусей!

05.2008.

Белые

«Грибов тебе белых? Их тьма, сколько хочешь!
Ты в Вожгору с нами сегодня слетай,
Не надо ходить очень долго, до ночи,
Пойдёшь по опушке, меж сосен, о край».

Пилот деловито залез на сиденье;
Я следом, погода – краса: гладь да тишь.
«Слтай в день рабочий, а не в воскресенье,
Обратно же с нами опять прилетишь».

Лететь на АН-2 грузовом час, терпимо;
Я вышел, а лайнер обратно взлетел;
Ему ещё долго работать, вестимо,
Такой у АН-2 работацкий удел.

А в Вожгоре свадьба, гулянье в разгаре,
Ребята на санках красу волокут.
Веселье и гомон, в хмельном все угаре,
Смеются, и песни попутно поют.

А тёща на санках по пояс раздета,
Традиция – в бане отмыть все грехи,
Распущенный волос, вином разогрета,
А в санки запряжены «кони» лихи.

Пошёл, посмотрев на веселье-гулянье,
Меж сосен, как старый пилот научил,
С грибами в лесу ждёт давненько свиданье
И сердце уже беспокойно стучит.

Искать не пришлось, их действительно много,
Красивых и стройных: один к одному,
Собрать всё не в силах, нужна бы подмога,
Беру только то, что осилить смогу.

Грибочков набрал я и душу утешил,
Прогулка на пользу и дар лесной впрок,
А воздух здесь, в Вожгоре, чистый и свежий.
Лесная деревня и белый грибок.

04.2007.

Белые ночи

Над рекой вьётся золотом
Даль бескрайняя, ширь полей;
Разговор тихим шёпотом,
Огоньки в костре, жар углей.

Нет в ночи тёмных сумерек,

А закат не горит огнём.
Заплутал двадцать первый век —
Солнце низко, светло, как днём.

У костра цвет малиновый,
Запах жареных шашлыков,
Вьётся вверх дым осиновый,
Отгоняет рой комаров.

Хороши ночи белые,
Молодёжь не спит мёртвым сном;
И не спят люди зрелые,
В тишине сидят над огнём.

«Без присмотра»

Унылая пора, заснувший обыватель.
Уж пятый год, как двадцать первый век.
Подгнул запор, замок, его дверной держатель,
И ищет фляги в банях человек.

Воруют всё, что, как бы, вроде «без присмотра».
Неважно, что ты отошел на час.
И в Лешуконии есть «Коза Ностра»,
Борьба с которой, видно, не для нас.

Уснувший человек, он тоже «без присмотра».
Вдвоем уснули – надо сторожить.
Тут кошелек, там сумка дома «без присмотра»
И как же без охраны людям жить?

Виновных нет, когда есть фраза «без присмотра»,
Искать не надо: сам же виноват!
Приедут, нехотя, на место для осмотра,
Без видимых усилий и затрат.

Электростанция пропала – не иголка,
У прокурора на столе контроль.
Пылится «дело» «без присмотра», сдержит полка,
А результат, итог, конечно, ноль.

Вода течет, нет вентиля у крана,
Ведь, «без присмотра» можно все творить.
Сгорели РОВД, пожарная охрана,
Чего уж тут про бани говорить?!

06.2005.

Бессмертный полк

На снимках суровые лица
Героев прошедшей войны.
Истории нашей страница,
Отечества дочки, сыны.

В строю вы сегодня все с нами,
Под знаменем снова в строю,

Цветы, обелиск с именами,
И надпись в углу: «Я люблю!»

Бессмертный полк,
Бессмертный полк,
Бессмертный полк.

Весна! Зеленеют деревья,
Мир в доме, тепло за окном.
И птиц перелётных кочевья.
Мы помним всегда о былом:

Как прадеды, деды сражались,
Страну защищая и дом,
Чтоб дети и внуки смеялись
И спали всегда мирным сном.

Бессмертный полк,
Бессмертный полк,
Бессмертный полк.

05.2015.

Библиотека

Выдают под запись книжки
Всем желающим читать:
Малолетним шалунишкам,
Тем, кому уже за ...цать.

Тянется в библиотеку
Иль в читальный зал клиент,
Записался в картотеку
Или на абонемент.

Этому подай брошюрку,
Этому «Войну и мир»,
Тем давай роман про «урку»,
А у женщин свой кумир.

Кто-то взял читать газету,
Кто-то просит «Целину»,
Привередливый: «Мне эту
Или, может, лучше ту».

Но читают нынче меньше
И народ совсем другой,

Конкурент у книги злейший
Современный мир крутой.

Книги раньше вечерами
Были другом и родней,
Все герои были с нами
При лучине, со свечой.

Или лампу зажигали
С фитилем и со стеклом;
Сев в кружок, «Му-му» читали;
Вьюга выла под окном.

А поход в библиотеку
Был тогда совсем иным,
Мало было человеку
Развлечений к выходным.

Двадцать первый век ворвался
С телевизором цветным,
Век различных информации,
Не угнаться молодым!

Читка отошла в сторонку,
Время камни собирать,
Книгу теребят тихонько,

Чтобы истину познать.

А тропа в библиотеку
Стала тихо зарастать.
Не до книги человеку,
Он стремится миг поймать.

Но заядлые клиенты
Жить без чтения не хотят,
Ловят всякие моменты,
Чтобы на ночь почитать.

Вновь идут в библиотеку,
Им бестселлер подавай,
Новый томик – тот по чеку,
Старый – так, иди, читай.

Вкусы стали изменяться:
Детектив, как «чтиво» – рай,
А любовь на секс меняться -
Это словно старый чай.

Интернет, мобильник, авто.
Как за книгами сходить?
Видно, надо будет НАТО
На проблему подключить,

Чтоб тропу в библиотеку
Сорнякам не отдавать.
Книгу надо человеку
Почитать и уважать.

Бывшему капитану

В зеркальной воде отражается небо,
Речным теплоходам «дорога» – река.
А трассам земным, где б «водила» бы ни был,
Преградой становится путь моряка.

А бывший речник, став совсем сухопутным,
Не стал замыкаться в уют и покой,
Один победил в платном омуте мутном
И сделал преграду бесплатной рекой.

06.2016.

Бытовая рутина

(Монолог обывателя)

Живу я в квартире, где пол провалился
Где сгнившие стойки покрылись трухой,
Отстой туалета под домом разлился,
Там разные запахи, гниль, перегной.

На маленькой кухоньке тесно и жутко,
От печки, стола, от предметов углы.
Сидеть в тесноте мне совсем неудобно,
Углы от предметов кусаются, злы.

Печь сгнившая, старая, дышит угаром,
В ней треснул кирпич, сгнили дверцы, труба
Бывает, что лучше дышать перегаром,
Чем жидким отходом и дымом всегда.

Проводка, розетки всё в ветхости пыльной,
Свисают лохмотьями в плоскости стен.
От двери, осевшей скрип, шарканье в стиле
Совсем уж не новом, хоть стиль сей модерн.

Простите, удобства совсем неудобны,

Сквозит, ветер дует из пола, щелей.
И первый заход, даже если он пробный,
Ужастик, ей-богу, в быту у людей!

Жилищные монстры воспримут, как сказку,
О чем я в стихе, торопясь, рассказал.
Не хочется делать служивым подсказку
И к старости лезть на рожон, на скандал.

12.2005.

«Вашка» на Пинежье

Дорога бела, как невеста на свадьбе,
Искрится, блестит свежавыпавший снег;
В «буханке» сидеть, не на кресле в усадьбе,

В «буханке» езда без комфорта и нег.

А всё начиналось при встрече с Татьяной,
Великой выдумщице с Пинежских мест,
Радеющей за земляков своих рьяно,
За край свой лесной и красивый уезд.

Татьяна – владелица базы туризма –
Боялась и ехать в наш гиблый район.
«Увидишь», – сказали без нотки цинизма, -
«В упадке и «яме» находится он».

Увидела: люди поют и смеются,
Проблемы решают, в заботах, делах,
А песни – свои, задушевные льются,
Встречают с улыбкой везде на устах.

К себе всех на Пинежье нас пригласила,
Весь «Вашки» большой деловой коллектив:
«Все вместе мы будем огромная сила», -
Надежду своим оптимизмом вселив.

Дорога петляет меж ёлок и сосен,
Всего, лишь, одна посреди колея.
А в створе дороги небесная просинь
И яркое солнце сияет, слепя.

Машина вильнула по скользкому насту,
Её занесло, потащило в кювет,
Воткнулась неловко вся в снежную пасту,
Оставив в сугробе проторенный след.

Какое-то время копали, толкали,
Пытаясь обратно войти в колею.
Прошло полчаса, но совсем не устали,
И есть результат – он не равен нулю.

Опять подминают дорогу колёса,
И Пинежья виден бескрайний простор,
Здесь стройные сосны и снежные плёса
Вдоль поймы реки распрекрасный обзор.

Наш гид и поводырь, всё та же Татьяна,
Энергии и оптимизма полна,
Она – героиня большого экрана
Иль словно цунами – большая волна:

Хлопочет и кормит, знакомит с посёлком,
Его чудесами, людьми, стариной;
На ветре с морозцем и зимнем, и колком,
Становится Веркола очень родной!

А вечером люди собрались послушать
Гостей Лешуконья, себя показать.
И песни проникли собравшимся в души,
А, может, и стих – не помеха, как знать?

Потом Алексей свет Евгеньевич Алин,
Великий талант широчайшей души,
Предстал, молвил слово своё перед нами,
Народное слово в таёжной тиши.

А утром поход в монастырь, зал музея,
Где детством дохнуло, где школьный есть класс –
Разумное, доброе, вечное сеял
Давно, в прошлом веке, но радует глаз.

До Ваймуши быстро по трассе домчали,
Где долго работал большой леспромхоз.
Итог для него оказался печален:
Не мог утянуть он с реформами воз.

Музей же остался, начинкой богатый,
Наш гид, прям, царица и кладезь добра.
Жаль, времени было совсем маловато
Послушать о предках и жизни села.

Узнать о событиях очень далёких,

О храмах сгоревших, проклятьях дедов,
Об омутах Пинеги, плёсах глубоких,
О предках, вдохнувших жизнь в дебри лесов.

Закончили встречу мы песней и чаем,
Ждал «круглый» под занавес вечером стол.
Опять, как родных, хлебом-солью встречали,
Серьёзный с талантами шёл разговор.

Создать в Карпогорах подобную «Вашку» -
Препятствий не видно ни капли больших,
А всем начинающим делать поблажку:
Шедевры рождаются в массе других.

Опять колея, что-то вдруг распурилось,
Местами совсем полотно замело.
И масса с небес с земным снегом сдружилась,
Глядим – бензовоз с трассы в бок унесло.

Лежит среди ночи он в канаве, скучает –
Обычный пейзаж на таёжном пути,
А нас Лешукония вскоре встречает:
Дома, лай собачий, сугробы, огни.

03.2010.

Весёлая жизнь

Ой, глянь-ко ноня всяки праздники,
Ну, прямо, точно кажын день.
Людей не стало, так проказники
Пьют все за гибель деревень!

А где-й-то раньше было видано,
Чтоб от безделья песни петь?
Видать теперь совсем не стыдно нам,
Когда крышует всех «медведь».

Заместо масла ныне «сникерсы»,
А вместо творога – ботва,
Ну, ладно, есть хоть памперсы,
А то была б совсем труба!

И как-то вовсе непривычно, срам,
Сидеть без дела целый день!
Пахать и сеять ведь не надо нам,
Конторы «пашут», им не лень!

Вы уж простите горемычного,
Хоть лей стихи тут, хоть не лей.
Что б без обид, ни капли личного,

Спешу опять на юбилей!

09.04.2014.

Ветераны

Распустили листочки весною берёзы,
Миновала зима, солнце рано встаёт.
Ветераны не станут лить горькие слёзы
По ушедшим годам – это крепкий народ!

Седина на висках, но глаза молодые,
А душа не стареет и жаждет любви.
Вспомним годы труда – годы наши лихие,
За детей нам не стыдно, гордимся детьми.

Время меряет жизнь и оценит заслуги,
Кто и как на Земле гордо вычертит след?
Повзрослели друзья, старше стали подруги,
А для внуков, конечно, мы – бабушка, дед.

09.2007.

«Вот моя деревня...»

Смотрю с тоской, не с радостью,

На эти торжества:

Неужли этой малостью

Деревня и жива?

А.Р. Белопильский

А что вы тоскуете ныне по дому,

По речкам таёжным, лугам и полям?

Ужель это надо «мигранту» седому,

Всё бросив в деревне, ища путь к рублям?

Таких очень много: устроившись где-то,

Вдали от родительских гнёзд и забот,

Ища в этом смысл и уют для поэта,

Забыв, что в деревню никто не придёт.

Никто не обнимет у дома берёзку,

Не встанет поутру, умывшись росой,

Легко не заменит прогнившую доску,

Ведь дом сиротою оставлен родной!

А кто здесь пахать должен, сеять?

Не вы ли, живущие всласть в городах?

Совхоз не хотите хранить и лелеять,
Оставив его без людей умирать.

Коров ныне съели, людей не осталось,
Дома заколочены, в стужу тоска.
Кто ныне остался – подкралась к ним старость,
Им праздник в деревне, как птицам весна!

Не ждите, родные, что дяде чужому
Нужны ваши грядки, мычанье коров,
Тропинка от поля к крылечку родному
И вечный привычный зуд-писк комаров!

Вернитесь, вспашите, посейте, пожните!
И будет родная деревня жива! -
Сейчас, как я понял, вы это хотите -
И будет здесь жизнь, а не просто слова!

05.2016.

Выборы

Сегодня воскресенье,
Обычный выходной.
Открыл участок двери,
У двери постовой.

Закончились дебаты,
Из словесов игра,
Затихли кандидаты,
Ждать голоса пора.

Рассвет, настало утро,
Из труб идет дымок,
А раз на небе хмуро,
Потянет ветерок.

Под утро людям спится,
Очухались от сна.
Проснулись и столица,
Губерния, страна.

Прошел один прохожий,
Вот парочка прошла,
А там гурьбой, похоже,

Вся улица пошла.

Участок встретил шумно,
При входе шутки, смех.
Охрана. Урна. Словом,
Народ идет – успех!

Протянешь быстро паспорт.
Кабина. Бюллетень.
Отметка. Урне рапорт.
Где наблюдатель – тень.

В буфет зайдем спокойно.
Итоги, результат
Мы будем ждать законно.
Итоги огласят!

Выставка

В кои веки в «Лешуконье»
Выставка картин открылась.
Зал просмотра был наполнен,
Запись в книге появилась.

В книге отзывов, рецензий
Много добрых слов и строчек
Без каких-либо претензий,
От души, красивый почерк.

На полотна прочно сели
Лешуконские просторы,
Пейзажи, крутые щели,
Лес зелёный, косогоры,

Лужи, грязь, лесные храмы,
Прелесть мест, знакомых с детства.
Дети были, ветераны,
В зале всем хватило места.

«Вашка» вечером собралась,
Люди творческих порывов.
Песня в зале распласталась,

Взяла за душу игриво.

Авторы стихи читали;
Пресса слушала, снимала;
Тихо тему обсуждали
«Родников» – реки начало.

Вечер. Стали расходиться.
В зале свет в большом потушен.
Лешуконцам будут сниться
Лес зелёный, речка, лужи.

03.2003.

8 марта

Неплохо устроились ныне мужчины -
Работать на кухне один раз в году.
Без видимой острой, особой причины
Мужчин не заставить томиться в аду.

Причина банальна: восьмое же марта!
Не нами придумано дам ублажать,
В порыве проснувшихся сил и азарта
Всем надо по утру куда-то бежать.

На рынок и в «лавку», в киоск за цветами,
К соседям за солью, бегом за тортом.
Загружен мужчина мирскими делами,
Свои же оставит дела на потом.

Жена же, понятно, на кресле с газетой,
Футбол в телевизоре, стопка в руке,
Не надо ей быть идеально одетой,
Чулоч поправлять по семь раз на ноге.

Ждёт жёнушка в кресле цветов и подарков,
С утра неуютно без дел и хлопот,
Привыкла, чтоб было натоплено жарко,

Уют и порядок чтоб был круглый год.

Мужик весь в очистках, обкакались дети,
На плитке всё льётся, кипит и горит,
Не вынесен мусор, течёт в туалете
И, странно, никто на него не «шипит».

Я, думаю, лучше, чтоб было восьмое,
Не день, а всегда и всю жизнь, круглый год,
Чтоб дома не был мужичонка в простое.
Я знаю, что время такое придёт!

03.2003.

Выходной

Совсем запутался в тумане
И до корней волос промок,
Зашёл в избу, там на баяне
Квашнин играет и поёт.

Накрытый стол, тепло от печки,
Горячий чайник, пузырьёк,
Консервы в банке, хлеб, две свечки.
Всем наплевать, что я промок.

Трещат поленья в недрах топки,
Тепло, как дома и уют.
До верха налитые стопки,
Уха доходит, люди ждут.

Нарезана кусками сёмга,
Икра в трёх банках на столе,
В оконце ночь, тумана плёнка,
Часы застыли на нуле.

Ночь в Колмогорке, штиль, рыбалка,
Народ небритый – выходной.

Для виду невод, с тестом банка,
Да удочки есть: по одной.

А рыбу? В «лавках» наловили.
Смогли два раза «неводнуть»,
Попало пять ершей на иле,
Налим и прочая там муть.

Не «хапнуть», для души рыбалка.
Вся мелкота пошла в котёл.
Картошка, луковица, жалко —
До срока аромат пошёл.

Навар от печени налима,
Лаврушка, перец, стопка, хлеб.
Вперёд, любители экстрима!
В селе не нужен чебурек.

Тихонько лица разомлели,
Видать, зашёл ухи навар.
Все дружно, под баян запели:
«Ох, Нарьян-Мар мой, Нарьян-Мар!»

Голубые глаза

Я встретил однажды глаза голубые;
Был самый обычный и будничный день.
Глаза не обычные, словно святые,
Смотрел и не верил: исчезла вдруг тень.

Два озера небо в себе отразили,
Прозрачный и светлый воздушный простор.
Природа и Бог этот свет сотворили,
Такой, лишь, бывает в снегах синих гор.

Смотрели глаза на меня, не мигая,
И я взгляд не мог ни на миг отвести.
Глаза голубые, одежда простая,
Хотелось в охапку девчонку сгрести.

Прошло много лет, и я снова их встретил,
Узнал голубые, как небо, глаза.
Следы на лице изменений приметил,
Но взгляд же прозрачен и чист, как слеза!

11.2005.

Двухсотый

ГАИ остановит любую машину,
Осмотрит багажник, мотор, тормоза;
Не съел ли асфальт на покрышках резину,
С техпаспортом сверит клеймо, номера.

Чернеют на бампере светлом семерки,
Иль «Волга» проскочит ноль, ноль и один,
Три дьявольских цифры чернеют – шестерки.
Не трогать! Там шеф, босс, бугор, господин!

Невзрачная триста плюс к ним сорок девять
Спешит по своим, по житейским делам.
Кому-то пахать надо землю и сеять,
Иначе наступит вселенский бедлам.

Побитая тройка, восьмерка и тройка,
«Буханка» раздутая лезет, кряхтя,
Коммерческий груз тащит с Шумбалки стойко,
Где кинули баржи свои якоря.

Несется из Удоры сорок семь десять,
Нагружены фляги и разный там хлам:

Успеть на работу, прикинуть все, взвесить.
Начальница строгая, фрау-мадам!

Ноль восемь и девять совсем старый красный
И красная «Нива» ноль восемь и семь
Тихонечко едут и это прекрасно,
От этого хуже не будет совсем!

Сто три – водовозка снует деловито,
Шестьсот три – «буханка» пылит взад-вперед,
Пятьсот пятьдесят завывает сердито.
Кто знает, куда их судьба занесет?

Двухсотый УАЗик мелькает все утро.
Смешно, но ему быть таким до конца.
«Двухсотый» – звучит как-то вяло, понуро,
На номере тлен и из шлака пыльца.

Проносятся сонно куда-то машины,
Мельком показав всем свои номера,
И тихо стихает шуршанье резины
Вдали, там, где всходит над лесом луна!

07.2005.

9 марта

До нас бывало поколений,
Имели всё: любовь, грехи.
По жизни я никто, не гений,
Я, лишь, могу верстать стихи.

Похмелье, утро, март, морозит,
Нутро горит хмельным огнём.
Какой нас бес и леший носит
Восьмого на «Оке» втроём?

И, вроде бы, не наш сей праздник,
8 марта – женский день.
Но есть в селе один проказник,
И навестить его не лень.

8 марта в день рожденья,
Сам Палкин в гости пригласил.
Среда совсем не воскресенье,
А отказаться нету сил.

Мы поздравляли юбиляра
Весь вечер в этот женский день.

Наутро сушь, пустая тара,
Девятое, работать лень.

Здоровья нет, а дел навалом,
Гудит с похмелья голова.
Всегда восьмое, лишь, начало,
Девятого у всех дела.

Девятое день пробужденья,
День забытья от всех хлопот.
А дамы – символ вдохновенья,
В упряжке будничных забот.

Морозный март вступает дальше
В свои весенние права.
О дамах вспомним мы не раньше,
Как прояснится голова!

03.2006.

Деревенский этюд

Мужик деревенский привычен к работе,
И дел непомерно по дому с утра,
С похмелья бывает поближе к субботе,
Тогда, уж конечно, болит голова.

С утра, спозаранку, затопит он баньку,
Наколет смолистых сухих мелких дров,
На пастбище выгонит пеструю Маньку,
Дела быстро сделал и завтрак готов.

Тепло русской печки – источник уюта,
Жена на ногах, как забрезжит рассвет,
Наварит, напарит, стол – кладезь приюта,
А там и луч солнца протянет привет.

И дети, как дети, спят утром по лавкам,
Все семеро спят, радость в доме Левше,
Сон крепкий, спокойный, сопит малый Славка,
Тепло и уют в его малой душе.

Свинарник захрюкал нутром, ждет кормежку,
Кроли в ожидании сена, питья.

Парным молоком пахнет в доме немножко,
Дровами, теплом и достатком жилья.

Мужик перестал колотить за стеною,
В дом запах росы, трав и сена принес,
Стал тихо будить он детишек игрою:
Травинка тихонько щекочет всем нос.

День новый набрал, показал свою силу,
Хозяйство не терпит простоя, потех.
Почувствует время мужицкую жилу,
Дела даст закончить и будет успех!

12.2005.

ДЫМ

«Ребята, предстоит работа», -
К десанникам летнаб зашел.
Хоть и была с утра суббота,
Народ весь встал, к дверям пошел.

Взлетели на закате полдня,
Гудит сноровисто мотор.
День ясный, солнечный сегодня,
Горит сухой Вожгорский бор.

Помощник-дождь не любит капать,
Когда июльская жара.
Огонь готов гектары сцапать,
Кострище выдать на гора.

Дым застилает поле боя,
Висит над лесом пеленой,
Висит среди дневного зноя,
А где пожар, стоит стеной.

Парашютисты деловито
Нырнули в ядовитый дым.

Гнездо для боя сразу свито,
Почувствовал огонь нажим.

Недолго он сопротивлялся
И извивался, как налим.
Горелый бор стоять остался,
Десанту снова завтра в дым.

02.2005.

Едома

Потерялась Вызя-речка
За кустами ивняка.
Конь стоит, на нём уздечка,
Виден конь издалека.
Семь дворов жилых в деревне,
Семь – не летом, а зимой.
Для гостей обычай древний –
Принимают на постой.
Летом люди приезжают
Погостить и отдохнуть.
Знает гость – здесь уважают
И дают всегда вздремнуть.
Не мешает телевизор,
Свету нет – не почитать,
Темень сверху и до низа,
В темноте легко скучать.
И обед варить не надо,
Чай при лампе иль свече,
В самоваре чай – отрада,
И намного горячей.
Не едины мы, однако,
И мытарства не для всех.
Электричество – бич мрака.

Стариков не чтить нам – грех!
Семь дворов во тьме вселенской,
И видна с пригорка ДЭС.
В жизни нашей деревенской
Не велик пока прогресс!

09.2007.

Женский день

Красоте в этот день преподносят цветы,
Говорят комплименты и громко тосты.
Женский праздник сегодня весенний, друзья,
Женщин снова поздравят коллеги, семья!

Утром рано восьмого девчонки не спят,
Раскраснеются щёки румянцем, горят.
В этот праздник весенний смешная капель
Говорит, что весна и наступит апрель.

Мир волшебный без женщин никак не открыть,
Им всё царство и мир, и покой подарить,
Возвеличить, лелеять и мать, и дитя.
Всё сегодня, сейчас, не когда-то спустя.

Для любимой мужчины готовы всегда
Бить врага, песни петь, возводить города.
Я тебе, дорогая, звезду подарю,
Покажу Север Крайний и в тундре зарю.

02.2010.

Забытая Усть-Чуласа

В глуши стоит Усть-Чуласа,
Белым-бело вокруг поселка,
Всего одна там улица,
А дальше лес: сосна да елка.

Забывтый и заброшенный,

Во тьме стоит очаг культуры,
А трубы заморожены.
Кто в этом виноват, в натуре?

Век бурной информации,
Страна в начале самом века.
Нет средств в администрации,
Нет средств в тайге для человека.

Забор лежит поваленный,
Детишкам недоступны книжки,
Деревьев очень много, залежи,
А пилят только на дровишки.

Исчез тихонько Леспромхоз,
В цеху ржавеет пилорама,
Распался, словно бревен воз.
Куда идешь, Россия-мама?

Глава администрации
Решает сложные задачи,
Район сейчас в прострации,
Главе никак нельзя иначе.

Тут школа недостроена,
Там не хватает труб для трассы,

Жизнь правильно построена -
В зарплату все стоят у кассы.

Забытая Усть-Чуласа
И обещания забыты.
Не слышно женщин голоса,
Пока начальство у нас сыто.

Засулье

Засулье – так зовется луг
В излучине реки.
Его зовут так все вокруг,
Так звали старики.

Трава чуть выше пояса,
А иногда по грудь.
Ковер цветов – сама краса,
А гнуса просто жуть!

Разлив бескрайней желтизны,
Куда ни кинь свой взор.
От луга свежесть новизны,
Трава – цветной узор.

Табово-озеро вдали,
Вокруг ивняк-забор.
Кусты от сглаза сберегли
Озерных недр простор.

Раскинул гриву рыжий конь,
Хвостом гоняет мух.
На фоне луга конь – огонь,

Простор – его пастух.

Гуляет ветер над травой,
Подсушит влагу рос.
Наступит летний, жаркий зной,
Начнется сенокос!

09.2005.

Земляки

Раскидала судьба по задворкам России
Деревенский с глубинки обычный народ.
Просят ныне они их считать здесь своими,
А деревни пустеют который уж год.

Земляки рассосались в Великой России:
В городах, где комфорт, где зарплата, престиж,

Где прожить можно тихо, без лишних усилий,
Променив чистый воздух на Псков иль Париж!

Земляки в Амстердаме, в Москве, в Украине,
Лешуконско-английский теперь их язык,
Земляки есть в Москве и в Соломбале ныне.
Кто покинул деревню, к комфорту привык.

Но тоска остаётся по дому родному,
По полям и лугам с тучей мух-комаров,
Родниковой воде, по пейзажу живому,
По родной стороне, по мычанию коров.

Не взбрыкнёт ныне конь посредине сугроба,
Нет часовенки той, что стоит на холме.
Окружают теперь зависть, чванство и злоба,
А родные просторы давно в стороне.

Попросить бы прощенья, молиться бы Богу,
Чтобы кошки у нас не скребли на душе.
Жалко брошенный дом и родных там, ей-Богу,
Не доносятся стоны до наших ушей!

И куда не забросит судьбина-злодейка,
Встретим мы земляков, поседевших порой.
«Ну, давай, землячок, по стаканам разлей-ка,

Мы за Малую Родину выпьем с тобой!»

02.2013.

Здесь мой дом

Просторы нашей необъятной тундры
Нам не измерить вдоль и поперёк,
Свои у нас на Севере причуды:
Сиянье в небе звёздном видим впрок.

Здесь болота кругом,
Здесь морошка растёт,
Здесь мой Север, мой дом,
Здесь любимая ждёт.

Скользят по тундре вдаль олени нарты,
А в небе обгоняет самолёт,
Найдём свой дом без компаса и карты,
Как гуси в свой весенний перелёт.

Мороз зимой просторы все обнимет,
Зима укроет нежный мох ковром,
Туман густой появится в низине,
Медведь уснёт в лесу глубоким сном.

08.2009.

Здравствуй гармошка

Едет красавец по речке на лодке,
Девки сидят и хохочут в серёдке.
Лодка на мель – пассажиры все вброд,
Очень простой на Мезени народ!

Здравствуй гармошка, здравствуй гитара!
Я запою, покрасневшись от пара,
Мне подыграет хмельному баян,
Ну, так и что, что я чуточку пьян?

Речка течёт, а деревня на месте,
Как хорошо, что собрались мы вместе.
Ветер гуляет и вольный простор,
«Здравствуй гармошка!» – споёт общий хор.

Здравствуй гармошка, здравствуй гитара!
Я запою, покрасневшись от пара,
Мне подыграет хмельному баян,
Я без вина от приволья здесь пьян.

Нет толчеи, как в далёкой столице,
Люди радушны, приветливы лица.
Хлеб Лешуконский и соль всем гостям,

Рады мы будем, пожалуйста к нам!

Здравствуй гармошка, здравствуй гитара!

Я запою, раскрасневшись от пара,

Мне подыграет хмельному баян,

Просто от счастья сегодня я пьян.

03.2008.

Знакомство с редактором

В редакцию Гусь прибыл из гостей,
Но не увидел суеты обычной,
Бурлящего кипения страстей
И было очень даже непривычно.

Свой стих пером гусиным написал,
Принес творение на «суд присяжных»,
Но тишины такой не ожидал
И в коридор шагнул тот Гусь отважно.

Живое шевеленье услышал,
И закипел внутри Гуся реактор,
Тот, что спиной к нему тогда стоял,
Представился: «Я ваш родной Редактор».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.